

УДК903(470.51)(045)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.94.105>

КОМПЛЕКСЫ «КОМИНТЕРНОВСКОГО ТИПА» В БАЛЕЗИНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ ПОЛОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРЕ УДМУРТИИ

©2025 г. Е.М. Черных

В статье представлены некоторые аспекты сравнительного изучения материалов нового раннесредневекового Бalezинского могильника в бассейне р. Чепца. Датировка памятника предварительная, в рамках VI–VII вв. В ходе раскопок впервые были получены выразительные факты использования в раннеполомское время двух видов обращения с умершими – ингумация и кремация. Эта особенность позволяет вновь обратиться к проблеме происхождения средневекового населения севера Удмуртии. С появлением в Волго-Камье качественно новых археологических материалов по этому периоду (среди них Коминтерновскому II могильнику отводится особое место), исследователи все чаще обращаются к историко-культурному контексту взаимодействия населения Прикамья и Среднего Поволжья. Хронологическая близость Бalezинского могильника с памятниками коминтерновского типа, биобрядность, значимость культов огня и коня в погребальном обряде, а также некоторые параллели в составе погребального инвентаря (сочетание харинских и ранних геральдических гарнитур, украшения-лунницы, наборы бус, в том числе крупных янтарных дисковидной формы) позволяют обратить внимание на существование более тесных связей между двумя регионами.

Ключевые слова: археология, Прикамье, поломская культура, миграционный фактор, биобрядность, кремации, геральдические наборы, украшения-лунницы

"COMINTERN-TYPE" COMPLEXES IN THE BALEZINO BURIAL GROUND OF THE POLOM CULTURE IN THE NORTHERN UDMURTIA

E.M. Chernykh

The article presents some aspects of the comparative study of the new Early medieval Balezino burial ground materials in the basin of the Cheptsá. The preliminary dating of the site is within the VI–VII centuries. During excavations, compelling evidence was uncovered for the first time of two distinct burial practices – inhumation and cremation – being utilized in the early Polom period. This feature prompts a renewed examination of the origins of the medieval population in northern Udmurtia. With the emergence of significant new archaeological materials from this period in the Volga-Kama region (among which the Komintern II burial ground holds particular importance), researchers are increasingly focusing on the historical and cultural context of interactions between the populations of the Kama River area and the Middle Volga region. The chronological proximity of the Balezino burial ground to Comintern-type monuments, biritualism, the importance of fire and horse cults in the burial rite, as well as some parallels in the composition of the grave goods (a combination of Kharino and early heraldic sets, moonlike jewelry, sets of beads, including large amber disc-shaped beads) allow us to draw attention to the existence of closer links between two regions.

Keywords: archaeology, Kama region, Polom culture, migration factor, biritualism, cremation, early heraldic sets, moonlike jewelry

Круглый стол, организованный Институтом археологии им. А. Х. Халикова АН РТ к 90-летию Евгения Петровича Казакова, был призван продемонстрировать множественный спектр интересов одного из старейшин археологии Волго-Уральского региона. И это в полной мере удалось, что нашло отражение уже в программе мероприятия. «Полевой» багаж Евгения Петровича впечатляет хроно-

логическим размахом и открытиями памятников, занявших бы первые строчки рейтингов, если бы таковые проводились в региональной археологии. Вот и в теме своего доклада я использовала понятие «коминтерновский тип» под безусловным влиянием знакомства с материалами яркого могильника в левобережье Волги, открытого и раскопанного юбилей-

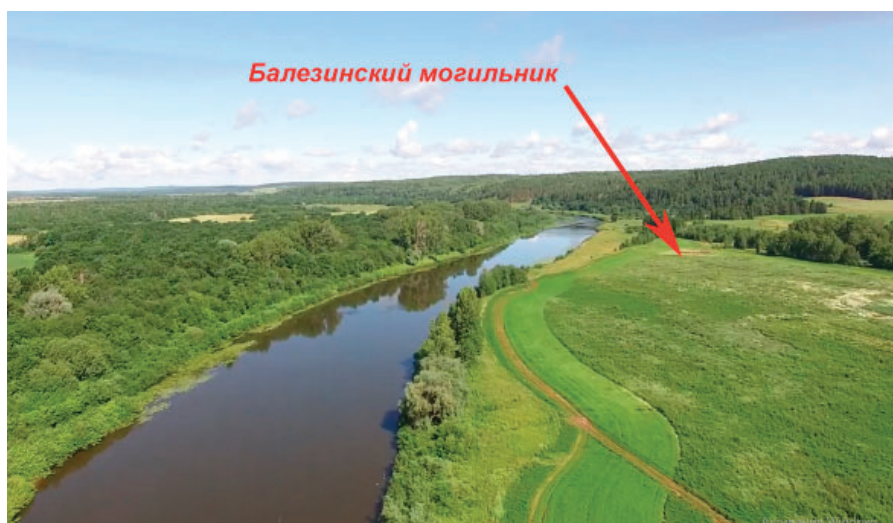

Рис. 1. Вид на площадку Балезинского могильника. Фото А.Е. Митрякова 2021 г.

Fig. 1. View of the Balezino burial ground area. Photo by A.E. Mitryakov in 2021

Коминтерновский II могильник, датированный VI–VII вв. н. э., выделяется своей обрядностью (сочетанием ингумаций и кремаций) и рядом специфических вещевых наборов (Казаков, 2020). Кремационные погребения содержали в своем составе керамические сосуды именковского облика, предметы быта и предметы из стекла и металла. Погребения с ингумациями отличаются значительно более ярким составом инвентаря и выразительными признаками погребальных сооружений и погребально-поминальных ритуалов, практикой захоронений частей коня.

В составе женских украшений выделяются парные фибулы оригинальной формы, многочисленные составные украшения из различных по форме пронизок и привесок, ожерелья из крупных янтарных бус. Инвентарь мужских ингумаций представлен наконечниками стрел, деталями седел и конского снаряжения. Поясная гарнитура могильника представлена серией трехсоставных и раннегеральдических пряжек, обладающих диагностирующими признаками, характерными для VI – первой половины VII вв. Оригинальными деталями таких поясов также являются серебряные фигурные накладки, имитирующие «псевдопряжки» (по терминологии Е.П. Казакова), а также использование свастических знаков.

Коминтерновский могильник во многом способствовал оживлению научных дискуссий, касающихся хронологии и культурного контекста раннесредневековых древностей Евразии. В Волго-Камье на излете эпохи

Великого переселения народов этнокультурные процессы развивались в общевразийском контексте, но при этом испытывали и перерабатывали разносторонние влияния. И каждый новый памятник в этом ряду, безусловно, представляет ценность.

Новый могильник, открытый в 2017 году в верхнем течении р. Чепцы (Черных, 2018; 2022; 2023), на мой взгляд, очень удачно вписывается в круг как научных интересов Е.П. Казакова, так и шире – в проблематику раннесредневековых древностей Восточной Европы. На территории Удмуртии, к сожалению, в последние десятилетия выявление и изучение памятников ранних Средних веков приостановилось. И тем не менее те немногие из них (например, Кузубаевский клад), что оказываются в поле зрения ученых, вызывают безусловный интерес.

Балезинский могильник – третий в группе могильников поломской культуры с погребальными комплексами начальной поры формирования этого культурного ареала на Чепце (кон. IV/V–VI вв. н. э.). Поломская АК сформировалась на территории, где до сих пор не выявлены памятники предшествующего времени. Это сказывается на дискусионности оценок ее начальной даты и происхождения групп населения, принимавших участие в генезисе нового культурного образования (Семенов, 1982, 1989; Генинг, 1980, с. 140–147; Голдина, 1987, с. 17–19; Иванов, 1998, с. 34–43; Гавритухин, Иванов, 1999). Позиции исследователей опираются на материалы двух известных некрополей, в которых

были изучены комплексы V–VI вв. – Поломского I и Варнинского. С открытием Бalezинского могильника этот ряд пополнился еще одним ранним памятником, к тому же биригуальным, что, безусловно, ново для севера Удмуртии.

Могильник расположен на правом берегу р. Чепцы, вблизи с. Бalezино, занимает участок слабо всхолмленной поверхности на краю первой надпойменной террасы (около 6 м над урезом воды в реке), практически не выраженный в общем рельефе (рис. 1). Раскопками на настоящий момент изучена площадь около 750 кв. м, на ней исследовано около 70 погребений. Изученные погребения датированы предварительно в хронологическом диапазоне VI–VII вв.

К сожалению, приходится констатировать, что информативные возможности нового некрополя катастрофически испорчены вмешательством человека. Это и многолетняя распашка, и грабительская деятельность, как в прошлом, так и в настоящее время. Захоронения на могильнике совершались в песчаном элювии речной террасы, что при последующей активной распашке привело к почти полному разрушению некоторых могил. Этот фактор обусловил интереснейшую ситуацию, которую приходится принимать во внимание в ходе раскопок на могильнике, используя обязательную процедуру просеивания почвенного грунта. Заметим, что на ряде участков количество вещевых находок, извлекаемых из слоев разрушения, превосходит этот показатель в погребениях более чем в 10 (!) раз. Также важным, но пока не до конца понятным является факт частоты встречаемости в межмогильном пространстве кальцинированных костей – следствие ли это особенностей погребальных ритуалов или последствия разрушения могил? Показательно и то, что среди добычи черных копателей (той, что оказалась нам доступна) было немало серебряных вещей, тогда как за время наших раскопок ни в одном из погребений вещи из серебра обнаружены не были.

Довольно частой находкой на могильнике являются зубы и челюсти лошадей, как в погребениях (встречены в засыпке девяти могил (13%)), так и между могил, и за пределами погребального пространства. Периметр погребального поля был определенно ограничен крупными ямами (рис. 2), заполнен-

ными костями животных (детальный археозоологический анализ пока не выполнялся, но по предварительному заключению к.б.н. А.Г. Меньшикова (Удмуртский госуниверситет) в абсолютном большинстве случаев это кости коней). В одной из ям (№ 4) зафиксирована регулярная кладка из конских челюстей, в ней же найдена сбруйная накладка. Из двух ям происходят находки глиняных пряслиц (одно битрапецеоидное), из ямы 2 – железное кресало. Такой состав находок в ямах определенно свидетельствует в пользу особой значимости при совершении погребальных обрядов на Бalezинском могильнике огненных ритуалов и культа коня.

Погребения в центральной части изученного участка Бalezинского могильника располагались пятью рядами (рис. 2), вытянутыми полосой с ЮЗ на СВ, под углом к реке. Эта своеобразная устойчивость рядов нарушена в юго-западной части могильника, где в 2024 г. изучен ряд могил, направленный с ЮВ на СЗ. В северо-восточной части порядок рядов вновь нарушен; здесь также можно выделить 3–4 ряда, ориентированные с ЮВ на СЗ. В северо-восточном сегменте могильного поля заметно возрастает и плотность могил; зафиксированы случаи их взаимонарушений. Захоронения совершены в грунтовых ямах (10–50 см от древней поверхности¹), ориентированных либо С–Ю с некоторым отклонением к З, либо В–З. Напомню, что широтная ориентировка погребенных была известна только в Варнинском и Поломском I могильниках (Семенов, 1991, с. 60).

Могильные ямы имели условно прямоугольную или овальную форму, их длина варьируется в интервале 145–265 см, а ширина в двух интервалах: 56–90 см и 100–137 см. В ряде случаев в стенках могил зафиксированы выступы-ниши и уступы.

Очень заметной является доля захоронений, в которых проявляются признаки кремирования останков умерших (около 70%). Предварительно можно говорить о сожжении умерших на стороне с последующим переносом части остатков для захоронения в яме. Налицо заметная вариативность размеров фрагментов кальцинированных костей – от очень мелких (3–5 мм) до достаточно крупных – 30–40 мм. Значительно варьируются навески костей, собранные из могил – от 4 до 40 г. При предварительном ознакомлении

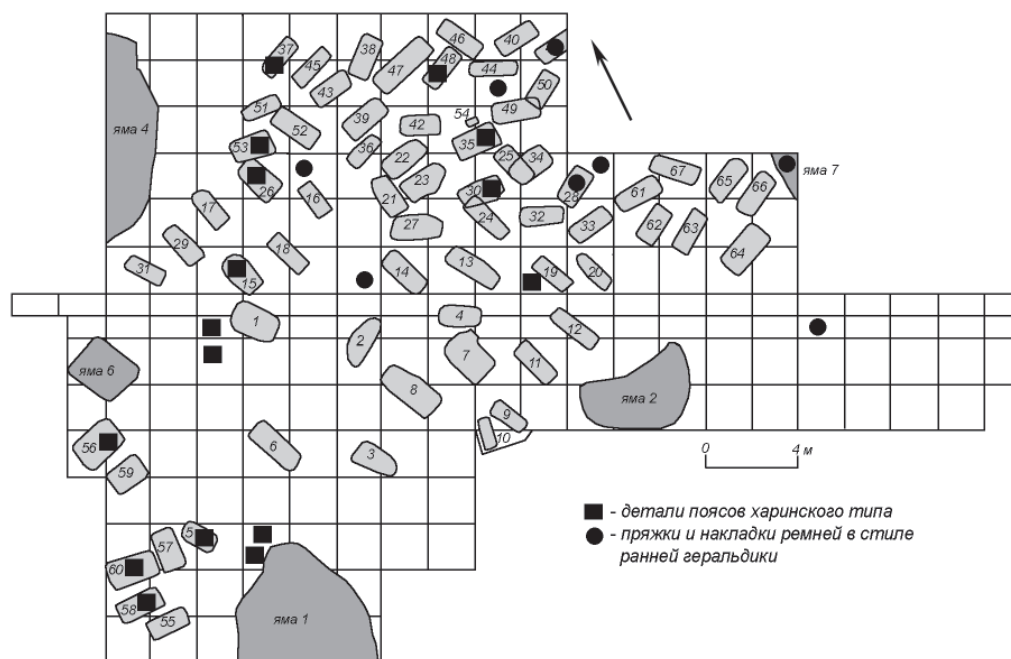

Рис. 2. Сводный план раскопов Бalezинского могильника.

Планиграфическая характеристика находок ременной гарнитуры

Fig. 2. Excavation general plan of the Balezino burial ground.

Planographic characteristics of the belt set finds

с костным материалом М.В. Добровольской (ИА РАН) отмечен факт присутствия в выборках, помимо костей человека, еще и костей животных. Фрагменты костей из трех погребений также были изучены под микроскопом И.Г. Ширококовым (МАЭ им. Петра Великого, СПб). Согласно его заключению, размеры гаверсовых каналов позволяют говорить об их соответствии человеческим. Пока же, до проведения специально-научных (биоархеологических) исследований, можно говорить, что остатки кремации ссыпались в могильную яму без особого порядка; кости рассеяны по всей засыпке могилы, но наблюдаются и случаи их кучного размещения, в том числе вместе с остатками погребального костра (угли и зола). Имеются случаи, когда в засыпке ямы встречаются и кальцинированные кости, и зубы умершего (пп. 22, 24, 28). Замечено, что человеческие зубы чаще приурочены к южной части могилы, что вызывает некоторые ассоциации с вятскими погребальными традициями (Лещинская, 2014, с. 21).

Часть могил содержала фрагментированный антропологический материал: в четырех погребениях найдены осколки черепов (погр. 10, 29, 32, 54), в погр. 32 – кости таза и грудины, в погр. 13, 14 – фрагменты обожженных

трубчатых костей, в погр. 34 – фаланги пальцев рук. В погребении 32 человеческие кости были сложены грудкой в центре ямы, что свидетельствует о нарушении ингумационного захоронения, скорее всего, еще в древности. В двух погребениях (54 и 30) *in situ* были зафиксированы женские головные уборы, причем в первом – остатки головного венчика с височными украшениями лежали на полуистлевшем черепе. В этих случаях умершие были уложены головой в восточном направлении.

Инвентарь захоронений демонстрирует значительное разнообразие и выразительность. Большую долю в его составе занимают бусы (более 60% от всех погребений), металлические украшения женского костюма (более 40%), детали поясной гарнитуры (около 40%). 20% погребений содержали в своем составе предметы кольчужного плетения из железа (накосники?). Очень выразительна зооморфная пластика – кони, дикая фауна, водоплавающие. Предметы вооружения и орудия труда в составе погребений представлены железными ножами, бронзовыми деталями ножен, железным шилом с бронзовым грибовидным навершием, наконечниками копья, дротика, стрелы. Имеются детали конского снаряжения

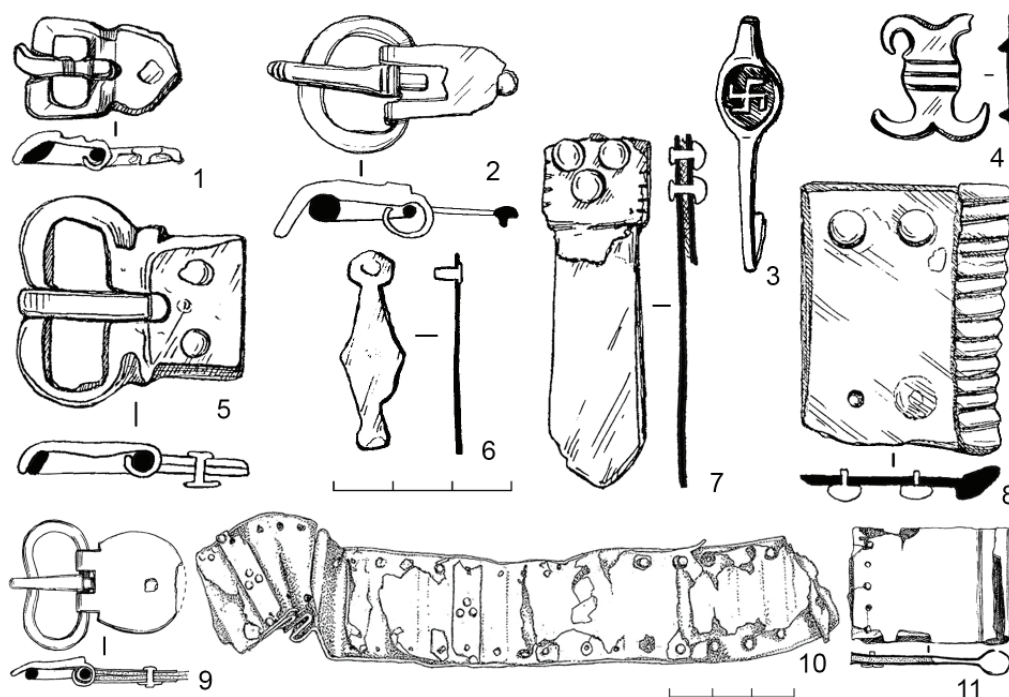

Рис. 3. Балезинский могильник. Поясная гарнитура: 1, 2, 5, 9 – пряжки; 3 – перстень; 4, 6 – поясные накладки; 7, 8, 11 – наконечники ремней; 10 – фрагмент кожаного пояса с накладками. Все – бронза, 10 – кожа и бронза
Fig. 3. Balezino burial ground. Belt set: 1, 2, 5, 9 – buckles; 3 – ring; 4, 6 – belt mounts; 7, 8, 11 – endpiece of a belt; 10 – fragment of a leather belt with mounts. All are bronze, 10 - leather and bronze

(удила), в том числе с ромбовидным завершением грызел. Оригинальный оружейный «заклад» (дротик и длинный нож) был обнаружен на дне погребения 7 в небольшой ямке-нише, в области условного таза умершего.

Глиняные сосуды обнаружены вне погребений, но всегда рядом с могильной ямой. В одном случае сосуд был помещен в боковую нишу (погр. 36). Иногда в засыпке ям встречались мелкие фрагменты керамики. Керамика Балезинского могильника представлена небольшим числом целых форм. Это типично прикамские сосуды низких пропорций, с уплощенным дном, чашевидные с профилированной шейкой или без таковой (миски), украшенные крупноребенчатым штампом и вдавлениями палочки по шейке и плечу. Одна из мисок была декорирована круглым решетчатым штампом, что на столь ранней поломской посуде зарегистрировано, пожалуй, впервые. Вся посуда тонкостенная, светло-коричневого цвета, без видимых примесей в тесте, плохо обожженная; имеет крайне неудовлетворительную сохранность в песчаном грунте.

Инвентарь Балезинского могильника находит тесное типологическое сходство с ассортиментом вещей из верхнекамских могильников

харинской и агафоновской стадий ломоватовской АК (Голдина, 1985, с. 124–126, рис. 16) и верхсаинской стадии неволинской АК (Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 322–324, табл. 2–6, 14–16.). Ременная гарнитура представлена харинскими трехсоставными пряжками с овально-округлыми рамками, иногда с утолщением в передней части, прямоугольной или треугольной пластиной и далеко выступающим за рамку язычком-«хоботком». На некоторых язычках выделяется выступ в задней части или поперечные нарезки на конце «хоботка» (рис. 3: 2). Полноту представлений об этой части костюма дает широкий кожаный пояс с крупной пряжкой с округлым щитком и широким В-образным кольцом круглого сечения (близкие аналогии: Верх-Сая, кург. 17/1, 35/1), прямоугольными плоскими накладками, украшенными тремя полугорошинами, и коробчатым наконечником ремня (рис. 3: 9–11). Увы, происходит не из комплекса, а из грабительских сборов. К этому же стилистическому кругу, по-видимому, следует отнести наконечник ремня из двух прямоугольных пластин с выступающей площадкой в верхней части и заостренным концом, скрепленных шпильками со шляпками-полугороши-

нами (рис. 3: 7), а также литой наконечник с рубчатым утолщением переднего края (погр. 26; рис. 3: 8), аналогичный находке из погр. 78 Коминтерновского II могильника (Казаков, 2020, рис. 61: 8).

В то же время в составе поясной гарнитуры заметно выделяется серия пряжек, знаменующих распространение в регионе нового, геральдического стиля, с аналогиями в погребениях варнинской стадии поломской культуры (Голдина, 2012, с. 401, рис. 5), Петропавловском могильнике, Кузубаевском городище в Южной Удмуртии (Семенов, 1976, табл. II: 5, 6; Останина, 2018, рис. 16: 6), Кушнаренковском могильнике в Башкирии (Генинг, 1977, рис. 7: 8, 19). Это литые полые пряжки с выделенным ложом для язычка на крупной В-образной и мелкой подпрямоугольной рамке, прямоугольной или щитовидной обоймой (рис. 3: 1, 5). Все пряжки данной группы происходят из разрушенных погребений. С этой категорией пряжек типологически соотносятся находки двух Ж-образных накладок (рис. 3: 4) и одного литого гладкого наконечника ремня с двумя продольными гранями.

Пока не проводилась работа по выявлению совстречаемости пряжек с иными категориями вещей из комплексов погребений. Вместе с тем самый общий взгляд на планиграфическое распределение находок ремennых гарнитур позволяет говорить о тяготении геральдических пряжек к северо-восточной зоне раскопа (рис. 2). Здесь же, по-видимому, происходит их некоторое наложение на участки погребений с харинскими пряжками. Археологические памятники поломской культуры позволяют фиксировать начало активного заселения бассейна Чепцы V в. (Иванов, 1999, с. 36–38) с дальнейшей интенсификацией миграционных процессов, исходящих из разных региональных центров. Возможно, в Бalezинском могильнике были погребения и более раннего периода, о чем свидетельствуют некоторые харинские пряжки довольно раннего облика. Ну и, кроме того, следует иметь в виду, что изучение погребального поля не завершено как в западной, так и в северо-восточной части.

Согласно современным представлениям, совместное бытование позднехаринских и ранних геральдических гарнитур в Волго-Камье приходится на вторую половину VI – нач. VII вв. К этому же времени в недавней

работе, выполненной О.С. Белявской на материалах погребальных комплексов из памятников Южного Приуралья, отнесена и ремennая гарнитура коминтерновского типа (Белявская, 2023, с. 16–17). Это был период формирования ранних тюркских каганатов, появления на евразийском пространстве новых этнополитических союзов, существенно повлиявших и на конфигурацию культурной карты Восточной Европы и Урала. Импульсы, исходившие из кочевой степи, так или иначе сказывались на стабильности или турбулентности в лесных областях Прикамья.

Среди предметов, маркирующих восточный вектор (Верхнее и Среднее Прикамье) в заселении Чепцы, можно назвать ремни с трехсоставными хоботковыми пряжками, височные подвески – цепи (рис. 4: 16) и в виде колец с крупными привесками-бусами, бубенчиками (рис. 4: 2, 3), зооморфные пронизки-коньки (рис. 4: 10), медведи, утко-лоси (рис. 4: 11), росомахи.

Юго-западный вектор (Вятка и Поволжье) презентуют круглые ажурные бляхи-застежки с шумящими привесками, украшения из мелких двух- и трехсоставных подвесок (рис. 4: 1), длинные пронизи из спирально-витой проволоки с завершениями из колесовидных привесок (рис. 4: 9), наборы украшений из нескольких колец, соединенных через стержневидный литой разделитель с привесками различной формы, пронизки-уточки с крупным колоколовидным туловом и головкой-крючком (рис. 4: 8), объемные пронизки-коньки (рис. 4: 15), обычай сопровождать погребения дарственными наборами. В трех случаях (пп. 15, 47, 68) такие дары были уложены в берестяные емкости (шкатулки/коробочки?) либо завернуты в ткань. Обратим внимание также на аналогии в планировке Бalezинского могильника с вятскими пьяноборской эпохи. Так, четкие ряды могил, вытянутые по линии СВ–ЮЗ, наблюдаются на могильниках Тюм-Тюм, Худяковском, Первомайском (Ошибкина, 2010, с. 36–37; Лещинская, 2014, с. 15).

Вслед за А.Г. Ивановым считаем, что некоторые категории украшений отражают южное направление этнокультурных контактов чепецкого населения и, по-видимому, инфильтрации на верхнюю Чепцу отдельных групп населения из бахмутинско-турбаслинско-кушнаренковского ареала. Это, например,

Рис. 4. Балезинский могильник. Украшения одежды: 1, 6-12 – подвески; 2, 3, 13, 16 – височные подвески; 4, 5 – пронизки; 14 – бусы. 1-13, 15-16 – сплав на основе меди; 14 – янтарь, сердолик

Fig. 4. Balezino burial ground. Clothing decorations: 1, 6-12 – pendants; 2, 3, 13, 16 – temple pendants; 4, 5 – beads with holes; 14 – beads. 1-13, 15-16 – copper-based alloy; 14 – amber, carnelian

пронизки с сильно стилизованным изображением медведя на конце длинной трубицы (рис. 4: 4, 5) и пронизки-подвески типа известных в Бирском могильнике (Мажитов, 1968, табл. 7: 13), оригинальные привески с двумя-тремя овалами в основании (рис. 4: 13), железные наконечники кольчужного плетения.

В тесной связи с выявляемыми западными и южными связями хотелось бы обратиться к аналогиям в материалах Коминтерновского II могильника. Я остановлюсь на тех комплексах Балезинского могильника, в которых встречаются подвески-лунницы (в Коминтерне – серебряные поясные накладки; Казаков, 2020, рис. 30: 29, 44: 31) в сочетании с крупными янтарными бусами.

Подвески-лунницы (В.А. Семенов, описывая находки из Варнинского могильника, называл их «бельками») найдены парами

в двух погребениях (42 и 47). Все балезинские подвески относятся к первому стилистическому варианту (по Н.А. Лецинской, 2018, с. 298), или II подгруппе по Е.П. Казакову (Казаков, 1991, с. 15–17). Это не крупные пластины, изготовленные из медного сплава, с треугольным вырезом внизу и приклепанной петлей сверху (рис. 4: 6, 7, 12). В погр. 42 вместе с ними встречены прямоугольные поясные накладки харинского типа с полушарными заклепками по краям пластины, остатки наконечника «кольчужного» плетения, бусы (крупные дисковидные янтарные (рис. 4: 14) и сердоликовая таблетковидная с декором, шаровидные из темно-синего стекла, полихромная (миллефиори) и глазчатая, а также бисер из темно-синего, голубого, бирюзового, желтого, коричневого стекла).

В погр. 47 «лунницы» были уложены в качестве дара в берестяную шкатулку вместе с оригинальной крупной подвеской (прямых аналогий не найдено; но основа украшения – прямоугольная пластина, декорированная «веревочкой» – общей стилистикой прямо отсылает к пьяноборским обувным прогнутым застёжкам и требует отдельного анализа). Также в шкатулке находились височная подвеска из колец, соединённых в виде горизонтальной цепи с дополнительными привесками (рис. 4: 16), аналогичная известным по подкурганам Верх-Саинского могильника (Голдина, Перевозчикова, 2018, с. 99, табл. 351-3), и большое количество бус (золотостеклянные бочонковидные, черные поперечно-полосатые, синяя и желтая полиэдрические со срезанными углами, сине-фиолетовые шарообразные, таблетковидные (т. н. «псевдоянтарь»), хрустальная эллипсоидная ребристая и т. д.) и бисера. Второй дарственный комплект из этого погребения содержал детали головного убора типа повязки/шапочки, край которой был украшен крупными полушарными бляшками, а также пару «уточек», подвешенных на длинных кожаных шнурках, обвитых спиральновитыми пронизками (Черных, 2024, рис. 2: 5, 6). Состав бус в обоих балезинских погребениях очень близок составу ожерелья из погр. 29 Концовского могильника, датированного VI–VII вв. (Иванова, 1988, с. 10–13). В неволинских могильниках большинство из перечисленных типов составляют типологические группы VI в., VI–VII вв., IV–VII вв. (Голдина, 2010, рис. 30, 34–35), но не выходят за пределы VII века.

Полагаем, что в ареале формирующейся поломской культуры появление наборов инвентаря, включающих подвески-лунницы, пронизки-уточки, объёмные формы пронизок-коньков, ажурные подвески-застёжки с шумящими привесками, возможно, серповидные гривны с треугольным сечением и некоторые другие категории вещей (например, уникальный бронзовый перстень с изображением свастики на щитке (рис. 3: 3)), можно связать с расселением азелинских и позднеазелинских (еманаевских) групп на север и северо-восток. Данное направление надежно маркируется сериями находок аналогичных изделий в Концовском (Стефанова, 1982, рис. 3: 19, 21, 22; Иванова, 1988, рис. 4: 8, 8: 1) и Тат-Боярском могильниках (Лещинская, 2018, рис. 1: 2–4), в Марийском Поволжье (Шор-Унжинский, Мл. Ахмыловский (Никитина, 1999)), в левобережье Волги – Новославском II (Валеев, 2018) и Коминтерновском II (Казаков, 2020) могильниках. Допускаем, что тем же путем на Чепцу (Балезино, погр. 35) могли попасть удила с ромбовидными кольцами и дополнительными звеньями к ним, известные в составе тех же коминтерновских комплексов с поясами, украшенными накладками-лунницами (пп. 26, 43). Эта внутрирегиональная подвижность была вызвана активизацией во второй половине VI – начале VII вв. на южных рубежах ареала расселения поволжско-камских финно-угров (Среднее Поволжье и Предкамье) кочевнических групп, яркой иллюстрацией которой явились синкретичные памятники типа Коминтерн II – Новославский II (Казаков, 2021, с. 36–38).

Примечание:

¹ Следует пояснить, что микрорельеф территории могильника характеризуют два валлообразных всхолмления, вытянутые вдоль реки (дюны?), и в зависимости от того, на каком участке совершены погребения (склоны дюн или понижение между ними), мощность почвенного слоя существенно различалась.

ЛИТЕРАТУРА

- Белявская О.С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2023. 27 с.
- Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» имениковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 211–226.
- Гавриутхин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–160.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI – VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.

Генинг В.Ф. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н.э. (по материалам Варнинского могильника) // Новый памятник поломской культуры / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1980. С. 136–151.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.) / МИКВАЭ. Т. 6. Ижевск: УдмГУ, 2010. 264 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: ИГУ, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: УдНИИ, 1987. С. 6–36.

Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Науч. ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 399–414.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Науч. ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 321–375.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / МИКВАЭ. Т. 19. Ижевск: Монпоражён, 2018. 720 с.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 309 с.

Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 6–52.

Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 4–24.

Казаков Е.П. Об одной из групп украшений именьковской культуры // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Науч. ред. А.Х. Халиков. Казань: КГУ, 1991. С. 14–20.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2020. 144 с.

Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: УдГУ, 2014. 472 с.

Лецинская Н.А. Подвески-лунницы еманаевской культуры (к вопросу о межкультурных контактах) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. Участием / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГСПУ, 2018. С. 298–300.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 162 с.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 5. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с.

Останина Т.И. Удмуртский вариант именьковской культуры: итоги изучения и особенности // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 257–292.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм / Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1976. С. 3–50.

Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1982. С. 43–62.

Семенов В.А. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 20–33.

Семенов В.А. Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991. С. 56–75.

Стефанова И.И. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1982. С. 90–103.

Черных Е.М. Новый памятник раннего средневековья в бассейне Чепцы // Археологические открытия в Удмуртии – 2017 / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Монпоражён, 2018. С. 18.

Черных Е.М. Новый могильник VI–VII вв. н.э. на севере Удмуртии (бассейн р. Чепцы): некоторые итоги исследований 2018–2021 гг. // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т.М. Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.). Курган: КурГУ, 2022. С. 306–307.

Черных Е.М. Новые данные по погребальному обряду полумской культуры // XVI Бадеровские чтения: Материалы Всерос. (с международным участием) науч. конференции, посв. 120-летию со дня рождения О. Н. Бадера (г. Пермь, ПГНИУ, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.) / Отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 262–265.

Черных Е.М. Изображения водоплавающих птиц в металлической пластике Бalezинского могильника VI–VII вв. // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 4. С. 743–753.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru ORCID: 0000-0001-5800-7545

REFERENCES

Belyavskaya, O. S. 2023. *Khronologiya remennykh garnitur Yuzhnogo Priural'ya III – rubezha VII i VIII vv. (Chronology of belt sets of the Southern Urals of the III – the turn of the VII and VIII centuries)*. Diss of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (1), 211–226 (In Russian).

Gavritukhin I. O., Ivanov, A. G. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 99–160 (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In Kuzev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).

Gening, V. F. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 136–151 (in Russian).

Goldina, E. V. 2010. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 6. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Priam'e (The Lomovatka Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Goldina, R. D. 1987. In Atamanov, M. G. (ed.). *Problemy etnogeneza udmurtov (Issues of the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Ustinov (Izhevsk): Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 6–36 (in Russian).

Goldina, R.D. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Priam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatkoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 399–414 (in Russian).

Goldina, R.D., Perevozchikova, S.A. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Priam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kams-

ko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 321–375 (in Russian).

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A., Goldina, E. V. 2018. *Mogil'nik VI-IX vv. u d. Verh-Saja v Kungur-skoj lesostepi (Verkh-Saja burial ground of the 6th-9th centuries in Kungur forest-steppe)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 19. Izhevsk: Izhevsk: "Monporazhen" Publ. (in Russian).

Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie sviazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaiia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsy River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th – First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ivanov, A.G. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 6–52 (in Russian).

Ivanova, M. G. 1988. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii (Recent Researches in the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4–24 (in Russian).

Kazakov, E.P. 1991. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Problemy arkheologii Srednego Povolzh'ia (Archaeological Issues of the Middle Volga Area)*. Kazan: Kazan State University, 14–20 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2020. *Volgo-Kam'e v epokhu tyurkskikh kaganatov. Kniga pervaya. Kominternovskiy II mogil'nik (The Volga-Kama in the Period of Turkic Khaganates. Book One. Kominternovsky II burial ground)*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 26. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I-V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 298–300 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletii nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by Materials from Burial Grounds)*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute (in Russian).

Ostanina, T. I. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (1), 257–292 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium (Vyatka River Antiquities: Tyum-Tyum Burial Ground)*. Series: Materialy okhrannykh issledovani (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Semenov, V. A. 1976. In Vladyskin, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Udmurtii (Issues of the Archaeology of Udmurtia)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 3–50 (in Russian).

Semenov, V. A. 1982. In Atamanov, M. G. (ed.). *Materialy po etnogenezu udmurtov (Materials on the Ethnic Genesis of the Udmurt People)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 43–62 (in Russian).

Semenov, V. A. 1989. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Novye issledovaniia po etnogenezu udmurtov (New Studies on the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 20–33 (in Russian).

Semenov, V. A. 1991. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov (Materials of the Funerary Rite of the Udmurts)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature Publ., 56–75 (in Russian).

Stefanova, I. I. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki basseina r. Chepsy (Medieval Sites in the Chepsta River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 90–103 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2018. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Udmurtii – 2017 (Archaeological discoveries in Udmurtia – 2017)*. Izhevsk: “Monporazhen” Publ., 18 (in Russian).

Chernykh, E.M. 2022. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.). *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (22nd Urals Archaeological Congress)*. Kurgan: Kurgan State University, 306–307 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2023. In Pereskokov, M. L., Chuikina, E. V. (eds.). *XVI Baderovskie chteniya (XVI Baderovskie chteniia)*. Perm: Perm State National Research University 262–265 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2024. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 24 (4), 743–753 (in Russian).

About the Author:

Chernykh Elizaveta M., Candidate of Historical Sciences, Professor, Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; emch59@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5800-7545

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.